

МАМАТОВ Г. М., МАТВЕЕВ И. В.

«МГНОВЕННОСТЬ ПЫШНЫХ БЕЛЫХ РОЗ». ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
СТИХОТВОРЕНИЯ К. Д. БАЛЬМОНТА «МОРСКИЕ РОЗЫ»

Аннотация. В статье представлен анализ миниатюры К. Д. Бальмонта «Морские розы». Рассматриваются ее символика, мифопоэтика, связь с другими стихотворениями поэта, переключки с произведениями предшественников. В ходе интертекстуального и мифопоэтического анализа было выявлено, что стихотворение связано как с эксплицированными в нем темами, так и с имплицированными.

Ключевые слова: мотив, Бальмонт, интертекст, мифопоэтика, поэзия, символизм.

MAMATOV G. M., MATVEEV I. V.

«INSTANTANEOUSNESS OF LUSH WHITE ROSES». INTERPRETATION OF
THE POEM BY K. D. BALMONT «SEA ROSES»

Abstract. The article presents an analysis of the K. D. Balmont's miniature «Sea roses». The authors consider its symbolic and mythopoetic relations with other poems by the poet and works by his predecessors. The poem is connected both with the themes explicated in it and with implicit themes observed in the course of intertextual and mythopoetic analysis.

Keywords: motive, Balmont, intertextuality, mythopoetics, poetry, symbolism.

В лирике К. Д. Бальмонта особое место занимает символика различных цветов, что связано и со стихийной поэтикой старшего символиста, в которой природные образы имеют принципиальное значение, и с богатой символической традицией, закрепленной за многочисленными флористическими образами, уходящими своими корнями в фольклор и архаичную мифологию. Так Л. А. Соколова отмечает, что «цветочный мир» в творчестве поэта во многом опирается на славянский фольклор и восходит к мифологеме «Мирового Древа», что обуславливает частое упоминание «сакральных», связанных с языческими таинствами в поэзии Бальмонта: «мир индивидуальный зависит от традиций славянского, поэт следует славянским традициям в изображении цветов» [10, с. 75]. Данное утверждение доказывается на подробном анализе образов кувшинки, мака, люб-травы, папоротника.

Другой важной работой представляется статья Т. С. Петровой «Мир растений в поэзии К. Бальмонта», где описывается цветок как двойник поэта и общность мира людей и мира растений, что связано с взглядами на искусство старшего символиста [9]. Отдельные наблюдения сделаны Н. Дворяшиной и Н. Крохиной. Наименее изученным в этом смысле остается символика отдельных цветов, в частности, розы — одного из хрестоматийных, древнейших флористических образов в мировой литературе, наполненного различными

смыслами и культурными ассоциациями. Нельзя не выделить, что это наиболее противоречивый символ среди всех цветов, что связано с его обширнейшей географией: «Роза распространилась от Персии через Фригию и Македонию до Греции и Рима, от мусульманских окраин до севера Европы, куда проникла лишь в христианскую пору» [4, с. 1].

Как отмечает А. Н. Веселовский, в каждую эпоху и в каждой стране, где росла эта царица цветов, она имела свои особые смыслы, которые в итоге сложились в определенную, традиционную для нее символику. Причем, с одной стороны, это символ женской красоты, Афродиты (роза — «вестница весны»), но с другой стороны, это символ смерти у римлян и возрождения после гибели в алхимии [4, с. 2]. В персидской мифологии это цветок страсти, убивающий своими шипами влюбленного соловья [5, с. 14]. Выделим, что в мифологии значение имеет и цвет розы: красная связана с кровью и мученичеством, например, в греческой мифологии она выросла из крови Адониса, тогда как белая роза — символ Венеры, юности и девственности.

Важно и то, что из язычества роза переходит в христианство, где соотносится с Христом: алые розы выросли на кресте распятого Иисуса, белая — эмблема Богородицы. В дальнейшем роза появляется в творчестве большинства великих поэтов, у каждого из которых она имеет самые различные коннотации. Таким образом, к моменту появления на поэтической сцене К. Д. Бальмонта, роза представляла собой типичный поэтизм, характерный как для западной, так и для восточной лирики, имеющий многовековую историю. Нас заинтересовала миниатюра «Морские розы» (1908) из цикла «Преломленья», входящего в книгу «Птицы в воздухе» (1908):

*Морские розы – розы белые,
Они цветут во время бурь,
Когда валы освирепелые
Морскую мучают лазурь.*

*И бьют ее, взметают с грохотом,
И возмущают ревом гроз,
И возвращают с мертвым хохотом
Мгновенность пышных белых роз*
[2, с. 651].

Выделим, что в книге Бальмонта, куда и вошло рассматриваемое стихотворение, флористическая символика разнообразна. Она представлена символикой лилии, орхидеи,

фиалки, шиповника, мака, василька, незабудки, льна, сирени, люб-травы и т.д. Образ розы в данном контексте весьма частотен и появляется помимо указанного произведения в миниатюрах «Роза-шиповник», «Розы», «Скрипка» и «Лада». Однако в большинстве этих произведений роза ассоциируется с типичными в поэтической традиции темами любви и женской красоты. В рассматриваемом стихотворении символика цветка более сложна и многогранна.

Название стихотворения, как и его первый стих, запечатлевает типичный для Бальмонта прием синтеза разнородных стихий: земля и море. Роза — цветок, с которым сравнивается морская пена, возникающая на гребнях волн во время шторма. Далее к этому прибавляется воздушная образность: *буря* и *грозы*, что также связано и с названием книги. Нельзя не выделить и фигуру крайне близкую хиазму, которая возникает в первом стихе: «*Морские розы — розы белые*». Помимо повтора слова «розы», здесь важно построение синтаксической структуры стиха: Adj+Sub — Sub+Adj. Такая «обратная» постановка двух прилагательных и двух одинаковых существительных, строится по принципу отражения. Тире выполняет функцию и интонационной паузы (цезуры), и зеркала, которое «отражает» совершенно разные особенности в символике роз, их морскую природу и их цвет, что заставляет обратиться к определенным культурным значениям.

В этом случае можно говорить об аллюзии к мифу о рождении Афродиты из пены Урана. После ее появления в пучине Средиземного моря и выхода на берег острова Крит, на земле выросли белоснежные розы, которыми украшали ее храм. В стихотворении уместно говорить о влиянии именно этой мифологемы, потому что оно близко по своему лирическому сюжету миниатюре «К случайной», где Афродита — порождение союза небесной, морской и земной стихий: «*И на миг вероломная Влага с этой кровью небесною слита,/ И в минутном слиянии двух светов появилась в мир Афродита*» [2, с. 454]. Важно и то, что образ богини для Бальмонта ассоциируется с цветком: «*Почему так люблю я измены и цветы с лепестками из крови*». Безусловно, кровавые цветы более раннего текста не имеют никакого отношения к белоснежным хрупким розам из пены в изучаемой миниатюре, но в обоих случаях очевидна общая для них связь с мотивами страдания и смерти, красоты, порожденной ирреальной, стихийной силой (в обоих текстах это морская пучина), с мотивом морской пены, и, собственно, образом цветка.

Другим моментом, связанным с темой красоты, является связь миниатюры с названием цикла, в который она входит. Слово преломление подразумевает лиминальное положение на грани между светом и темнотой. Образ роз — преломление между стихиями, тьмой пучины и светом неба, а значит и между верхом, куда устремляется морская волна и низом, то есть дном моря, на котором она образовывается. Красота мира, которую символизируют розы,

ирреальна, ее природа непостижима, таинственна, мимолетна и хрупка, ибо трагедия стихотворения в неминуемой гибели прекрасных цветов, их превращение в брызги пены. Исходя из выводов о связи с мифом об Афродите, нельзя не допустить о божественном, трансцендентном начале в понятии прекрасного у Бальмонта. Заметим, что и в миниатюре «К случайной» Афродита порождение двух миров — результат преломления света кровавого заката и тьмы морского дна. Афродита у Бальмонта появляется в минутном слиянии, что также родственно морским розам, чье существование скоротечно, что маркировано словом «мгновенность».

Дальнейшее развитие первой строфы посвящено расцвету роз как рождению красоты. Заметим, что прекрасное для Бальмонта появляется во время трагических и сложных ситуаций, несущих разрушение и гибель, в данном случае это буря. Обратим внимание на тот момент, что образ шторма занимает в тексте важное место и ему посвящено больше стихов, чем символике роз. Он начинается в третьем стихе первого катрена, а завершается в третьем стихе второго. Не менее важно и то, что он наполнен движением, крайне динамичен и описан глаголами, выражающими активное, агрессивное действие: «мучают», «бьют», «возмущают» и «возвращают». Динамичность передают и единоначатие с одинаковым чередованием союза «и» и глаголов, и анафорическая рифма: «*И возмущают*» — «*И возвращают*».

Понятие красоты высвечивается благодаря отсылкам и к предшественникам, и к произведениям самого Бальмонта, что было доказано при сопоставлении текста с миниатюрой «К случайной». В «Птицах в воздухе» белые розы также связываются с понятием запредельных, прекрасных миров, где возможно существование идеала, постижимого лишь через соприкосновение с искусством, например, с музыкой: «*Был он в море белых роз,/ С кем-то белым он встречался,/ С ярким звуком оборвался,/ И вернулся в брызгах слез*» («Скрипка»)[2, с. 633]. Белые розы также связываются не только с морской пеной, но и со снегом горных вершин, что подразумевает их возвышенную божественную природу: «*Я видел много алых роз,/ И роз нагорно-белых./ И много ликов пронеслось/ В уме, в его пределах*» [2, с. 687].

Не менее важным оказывается связь этой миниатюры со стихотворением в прозе И.С. Тургенева «Лазурное царство: «*Упоительные благовония неслись с округлых берегов; одни из этих островов осыпали нас дождем белых роз и ландышей; с других внезапно поднимались радужные длиннокрылые птицы. Птицы кружились над нами, ландыши и розы таяли в жемчужной пене, скользившей вдоль гладких боков нашей лодки*» [11, с. 153]. Растворяющиеся в пене розы и ландыши связаны с миром сна, фантазии, молодости и красоты. Отличием в данном случае будет осмысление роз у Тургенева как символа позитивного, наполненного

витальным и волшебным началом и гармонично сочетающимся с остальными образами: жемчужная пена, ландыши, парус, кажущийся герою *«лебединой грудью»* — все это также создает ощущение легкости, воздушности и радости. У Бальмонта символ роз трагичен и имеет большее количество смыслов. Это хрупкость, невозможность долгого существования красоты, но в то же время это и символ возрождения, связанный с вечным движением морских волн.

Нельзя не выделить и еще одно символическое значение морских роз как метафоры жизни. Если в первой строфе описано их существование: *«Они цветут во время бурь»*, то во второй строфе указывается на их гибель и краткосрочность: *«И возвращают с мертвым хохотом/ Мгновенность пышных белых роз»*. Образ цветка в символизме, безусловно, связан с циклом человеческой жизни от рождения через цветение-бытие к смерти, о чем пишет А. Ханзен-Леве: *«существование символического человека изображается через посредство «цветочного»»* [12, с. 600]. Заметим, что у Бальмонта морская волна как аллегория человеческой жизни имеет место и в стихотворении «Белый пожар» из книги «Будем как Солнце», где появляющиеся из пены белые кони, разбиваются о берег. Шторм символизирует рок. Морские розы разбиваются в брызги, растворяясь в волнах, но можно предположить, что здесь нет трагической окраски, волна, будучи символом вечного движения, имеет свойство повторяемости, перевоплощения, а потому на смену одним розам вырастают другие.

Особым акцентом представляется финальный стих: *«Мгновенность пышных белых роз»*. Живописуемая картина являет собой миг, мимолетное впечатление, занесенное на бумагу, что позволяет говорить о влиянии импрессионизма. Безусловно, это и попытка уловить мимолетность, увидеть в ней скрещение времен жизни белых роз и той мимолетности, которую она представляет собой в восприятии лирического героя. К. М. Азадовский выделяет: *«Запечатленные в лучших стихах Б. [Бальмонта] оттенки любовного чувства, непосредственное восприятие природы, способность глубоко ощущать мгновение придают многим его произведениям особенно ранним, импрессионистический характер. В своих лирических вещах Б., несомненно, более импрессионист, нежели символист»* [1, с. 61]. Нам трудно согласиться с автором насчет «большей» импрессионистической сущности поэтики Бальмонта, чем символистской, однако именно мгновение здесь играет центральную роль, что позволяет утверждать скорее о единстве импрессионизма и символизма в стихотворении. Символистское восприятие розы, осмысление ее различных значений (кратковременность человеческой жизни, концепция красоты, гармония и стихийный синтез) сочетается тут с импрессионистической мгновенностью описываемого явления, попыткой уловить в сиюминутном целую жизнь. Эта мгновенность вбирает в себя огромное число значений, в чем и видится специфика символа у Бальмонта в этом произведении, он наполнен множеством

самых разных смыслов, многогранен и, в то же время, амбивалентен, что доказывает следующая таблица:

Таблица 1

**Противоположные мотивы стихотворения
как показатель амбивалентности основной символики**

Море, водная стихия: « <i>морские розы</i> », « <i>Они цветут во время бурь</i> ».	Земля, земная природа роз как цветов + воздушность: « <i>Они цветут во время бурь</i> ».
Хрупкость, гармоничная красота морских роз, их пышность: « <i>Мгновенность пышных белых роз</i> ».	Могучесть, свирепость морских волн, порождающих розы, хаос стихии: « <i>Когда валы освирепелые / Морскую мучают лазурь</i> ».
Божественное, небесное начало, связанное с мифом об Афродите.	Море — пучина, хтоническое, наполненное инфернальными мотивами пространство: « <i>И возвращают с мертвым хохотом</i> »
Жизнь, цветение.	Смерть, гибель: « <i>И возвращают с мертвым хохотом / Мгновенность пышных белых роз</i> »
Статика: « <i>Они цветут во время бурь</i> ».	Динамика, мотив стихии: <i>буря, валы освирепелые, «И возмущают ревом гроз».</i>

Нельзя не отметить, что у других русских символистов белая роза часто связывается с образом красивой девушки: «*Вечер настал, и земное утешилось сном./ Девушка плакала ночью в тиши, — но о ком?/ Белая роза увяла без слез в эту ночь./ Голуби утром мелькнули — и кинулись прочь*» (В.Я. Брюсов «Весна») [3, с. 163], или с возлюбленной: «*Она в дыханье смертных уст/ Бессмертие вдыхает/ И в них, как этот белый куст,/ Тебе благоухает*» (Вяч. Иванов «Белые розы») [6, с. 509]. Данное значение в тексте Бальмонта кажется нереализованным. Но оно имплицитно, что связано с возлюбленной поэта Миррой Лохвицкой. Опишем контекстуальные переключки «Морских роз» с миниатюрой поэтессы «Белые розы» из цикла «Перед закатом». Авторы комментария к этому произведению, отмечают ее близость стихотворению Бальмонта «Скрипка» из той же книги «Птицы в воздухе», однако связь с «Морскими розами» еще более очевидна и заслуживает особого внимания: «*Приди! Испей от чаши сладостной. / Свой дух усталый обнови. / Я буду светлой, буду радостной, / Я буду гением любви. // Я дам лазурные мгновения. / Приди — и сердце обнови/ Полетом вольного забвения/ Меж белых роз моей любви*» [7, с. 20].

В первую очередь близость обеих миниатюр видна на стиховедческом уровне: оба текста состоят из двух катренов, в которых наблюдается одинаковое чередование дактилических и мужских клаузул в перекрестной рифме, четырехстопный ямб, использование подряд трех анафорических конструкций, состоящих из кратких однобуквенных слов (союз «и» у Бальмонта и местоимение «я» у Лохвицкой) и глаголов («Я буду...», «Я буду...», «Я дам...»). С помощью этих приемов создается своеобразный поэтический диалог между двумя поэтами на стиховом уровне произведений.

Не менее важными оказываются и сходства в лексической структуре: «лазурные мгновения» «белых роз» вполне соотносятся со стихами «Мгновенность пышных белых роз» и «Морскую мучают лазурь», а лазурь времени, то есть ирреальность и мимолетность любви подобна и краткости существования красоты, и морской лазури, что вводит и тему любви в текст Бальмонта: это как бы ответ любимой женщине. Белые розы ее любви трансформируются в его миниатюре в цветы Красоты и Женственности, что также коррелирует с описанным мотивом Афродиты. Таким образом, вступая в разговор с жизнерадостным, наполненным витальностью и радостью любви стихотворением Лохвицкой, с чашей сладостной чувств, Бальмонт пишет произведение о трагическом финале, их мгновенности и гибели в лазурных волнах моря-судьбы. Известно, что любовь к поэтессе символист сохранил на всю жизнь, а ее портрет стоял все время на его письменном столе. Потому уместно обратиться к биографии. Т. Александрова отмечает многочисленные связи стихов Бальмонта 1905-1910-ых годов с произведениями поэтессы: «Сборники Бальмонта 1906-1912-ых годов <...> — полны создаваемым мифом о возлюбленной, утраченной и вечно живой. <...> В стихах этих лет продолжается тот же интертекст, полный аллюзий на поэзию Лохвицкой, но малопонятный вне контекста» [8, с. 14]. Поэтому, и морские розы, разбивающиеся, но вновь появляющиеся на волнах, становятся символом вечной любви, способной противостоять хаосу и смерти.

Миниатюра «Морские розы» Константина Бальмонта оказывается весьма сложным и удивительным явлением. В главном образе стихотворения скрещиваются основные мотивы его творчества: природа, красота, время, стихийность, любовь. В то же время, символ Бальмонта многогранен и амбивалентен. Он строится на сочетании полярных тем: жизнь и смерть, гармония и хаос, время и вечность. Нельзя не отметить и богатую интертекстуальную и мифопоэтическую наполненность этого произведения. Но данный текст можно назвать многогранным и по количеству его трактовок, так как его можно видеть и как гимн несчастной любви, диалог с прекрасной возлюбленной, и как воплощение эстетических взглядов символиста на искусство и красоту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азадовский К. М. Бальмонт // Русские писатели: библиографический словарь: в 6 т. – М.: Нестор-История, 1990. – Т. 1. – С. 57–61.
2. Бальмонт К. Д. Полное собрание поэзии и прозы. – М.: Альфа-Книга, 2011. – 256 с.
3. Брюсов В. Я. Юношеские стихотворения // Собрание сочинений: в 2 т. – СПб.: Сирин, 1913. – Т. 1. – 185 с.
4. Веселовский А. Н. Из поэтики розы // Избранные статьи. – Л., 1939. – С. 53–72.
5. Золотницкий Н. Ф. Цветы в легендах и преданиях. – М.: Агропроиздат, 1913. – 362 с.
6. Иванов В. И. «CorArdens», книга пятая «Rosarium». Разные лирические стихотворения // Собрание сочинений в 4 т. – Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. – Т. 2. – 508 с.
7. Лохвицкая М. А. Перед закатом. – СПб.: Изд-во А. Г. Суворина, 1908. – 64 с.
8. Лохвицкая М. А. Стихотворения // Собрание сочинений: в 3 т. – Т. 1. – М.: Дмитрий Сечин, 2018. – 56 с.
9. Петрова Т. С. Мир растений в поэтическом мире К. Бальмонта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sspu.ru/pages/subfaculties/rya/projekts/balmont/Petrova_T.S._Mir_rasteniya.pdf (дата обращения 20.04.2022).
10. Соколова Л. А. Мир цветов в поэзии К. Бальмонта: славянские традиции и авторская интерпретация // Вестник Новгородского Государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2009. – № 52. – 74–78.
11. Тургенев И. С. Повести и рассказы (1881-1883). Стихотворения в прозе (1878-1883). Произведения разных годов // Собрание сочинений: в 30 т. – М.: Наука, 1982. – Т. 10. – 152 с.
12. Ханзен-Леве А. А. Русский символизм: Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. – СПб.: Академический проспект, 2003. – 816 с.